

«БОРИС ГОДУНОВ» В ЗАЛЬЦБУРГЕ

Опустился последний занавес традиционного ежегодного фестиваля в Зальцбурге. На этот раз большое место в его программе заняли русская классическая и советская музыка, исполнительское искусство стран социализма.

Фестиваль был открыт в самом грандиозном помещении Фестивалихауса шедевром нашей отечественной классики — «Борисом Годуновым» Мусоргского.

Нужно было быть очевидцем, чтобы в полной мере оценить это событие и почувствовать всю приподнято-праздничную атмосферу, его сопровождавшую. Но прежде всего надо сказать, что замысел дирижера и режиссера постановки «Бориса Годунова» Герберта Караяна, выпавшего эту идею, по его собственному признанию, около десяти лет, поначалу вызвал дебаты не только в кулуарах фестивальных организаций, но и на страницах прессы. Обсуждался вопрос о том, насколько постановка монументального творения русского гения соответствует традициям фестиваля, проводимого на родине Моцарта. Под сомнение ставилось и категорическое требование Караяна, чтобы «Борис Годунов» прозвучал именно на русском языке; по мнению оппонентов, такой спектакль оказался бы непонятным и утомительным для международной аудитории зальцбургских праздников.

Но прошла премьера, и споры тотчас умолкли. Их заменил дифирамб. Через день после первого представления «Бориса Годунова» десятки австрийских, западногерманских и других газет нестесняясь заголовками: «Захватывающая русская рапсодия в Зальцбурге», «Впечатляющее событие», «Музыкальное торжество», «Торжество великих славянских голосов» и т. д.

Зальцбургская постановка «Бориса Годунова» привлекла всеобщее внимание. Двадцать девять радиостанций транслировали ее премьеру. Свыше сотни музыкальных критиков и журналистов сражались за право присутствовать на спектакле: билеты на все шесть представлений были распроданы задолго до начала фестиваля. В бюро об-

служивания фестиваля подсчитали, что для того, чтобы удовлетворить всех желающих посмотреть спектакль, он должен был пройти минимум сорок восемь раз! «Старожилы» утверждали, что ничего подобного в Зальцбурге еще не было.

Спектакль поражает прежде всего своим размахом. Его постановка потребовала не только огромных материальных затрат, но и не менее огромных художественных усилий. По единодушному признанию прессы, «Борис Годунов» впервые дал возможность полностью использовать все ресурсы новой сцены Большого фестивального театра.

Действительно, Г. Караян и художник Г. Шнейдер-Гинтсен сумели оправдать гигантские формы спектакля: декорации, иной раз даже превышающие натуральную величину, например, царского терема или кельи Цимена, многолюдность массовых сцен (по самым скромным подсчетам, в них участвовало свыше трехсот артистов хора и мимического ансамбля), пышность оформления. Во всем этом ощущалось не стремление поразить зрелищными эффектами, а передать истинные масштабы народной драмы Мусоргского, ее острые контрасты.

Не случайно наиболее впечатляющей оказалась сцена под Кромами, весьма сложная для сценического воплощения, как мы знаем из опыта наших постановок.

Представьте себе бескрайнюю ширь русской степи с неясными очертаниями извилистой реки, в которой отражается черное от нависших туч небо, прорезанное багровыми ответами то ли грозы, то ли пожара... И на этом фоне — толпу народа, страшную в своем гневе и беспощадно отчаянной удали. Как гимн восстания, рождается песня: «Расходилась, разгулялась сила пододонная...». Торжественно, как победитель, появляется самозванец с богатой свитой. Возбужденные толпы, вдохновленной мелькнувшим призраком свободы, синкает. Сцена пустеет. И трагическую судьбу народа символизирует жалобная песня Юродивого, его одинокая фигура, медленно удаляющаяся в не-

проглядную даль... Задвинулся занавес, а в зале еще стояла мертвая тишина, через несколько секунд взорвавшаяся бурей оваций.

Эта сцена, проводимая Караяном на едином дыхании, с большим динамическим пафосом, явилась подлинной кульминацией спектакля. И правы те критики, которые писали, что именно «Кромь» должны были стать его финалом (зальцбургская постановка заканчивается сценой смерти Бориса). К сожалению, так великолепно найденная кульминация народной трагедии не оказалась достаточно подготовленной решением массовых сцен пролога.

Примечательной особенностью спектакля и залогом его успеха явился состав исполнителей, почти исключительно представленный русскими, болгарскими и югославскими певцами. Интересно для нас и то, что трое из его участников — питомцы Московской консерватории. Это исполнитель заглавной роли Николай Гиуров, обладающий всеми данными для того, чтобы стать ныне одним из лучших интерпретаторов партии Бориса; могучий, легко льющийся голос, превосходная дикция, хорошая фразировка, мощная фактура; Алексей Масленников (Юродивый), удивительно просто и трогательно рисующий своего героя; в небольшой роли Кесени выдвинулась красотой и культурой своего голоса молодая болгарская певица Надежда Добряннова, закончившая аспирантуру Московской консерватории у профессора Е. Катильской.

Из других исполнителей хочется отметить талантливую певицу Венской оперы, хорватку по происхождению, Сену Юрван, создавшую яркий образ «гордой полячки» Марины Мишек; обладателя прекрасного баса, молодого болгарина Николая Гюелова (Цимен); нашего старого знакомого Дмитрия Узунова (Самозванец); Маргариту Лилову (Шилкарка); Эбергардта Вехтера (Щелкалов)...

Успех постановки определил ее дальнейшую судьбу: «Борис Годунов» вошел в программу фестиваля и будущего года.

Но этим спектаклем не исчерпывается участие представителей искусства социалистических стран в Зальцбургском фестивале. Всеобщее внимание привлекли выступления симфонического оркестра Дрезденской капеллы (ГДР). Особенный резонанс вызвало его исполнение под управлением Курта Зандерлинга Восьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, потрясшей слушателей своим глубоким драматизмом.

Видимо, стремлением выразить свою симпатию к советскому искусству и искусству наших друзей явилось и то, что, «нарушив» свою обычную традицию выступать только с венским или западноберлинским оркестрами, Г. Караян исполнил с дрезденским коллективом прелестную, пропущенную национальным мелосом Четвертую симфонию Дворжака и Первый фортепьянный концерт Чайковского, сольную партию которого с огромным успехом сыграл С. Рихтер.

Прощаясь со мной, постоянный президент Зальцбургского фестиваля профессор Бернхард Паумгартнер, крупный дирижер и ученый-музыковед, высказал настоятельное желание иметь возможность поставить на афишу будущего года концерты Симфонического оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е. Мравинского.

— Почти все крупнейшие оркестры мира побывали на нашем фестивале, — сказал маститый музыкант, — а вот ленинградцев мы до сих пор не можем заполучить. Как было бы хорошо, если бы они приехали в следующем году...

Если напомнить, что международный Зальцбургский фестиваль является наиболее художественно авторитетным на европейском континенте, что в его программах обычно представлены лучшие произведения мировой музыки, а в составе его аудитории можно найти многих крупных музыкальных деятелей и подлинных любителей музыки, то станет ясно, какую победу еще раз одержало наше отечественное искусство на мировой арене.

Е. ГРОШЕВА.

Зальцбург — Москва.

Правда, 1965, 16 сент.